

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

ОБ ИСТОКАХ НОМИНАТИВНОСТИ И НАЧАЛАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются номинативные и функциональные аспекты речевой деятельности. Культивируется мысль о номинативной сущности категорий «роль», «состояние», «объект», противопоставленных функциональным концептам – «функция», «действие», «предмет». На примерах из так называемой «лингвистики каждого дня» (обыденный дискурс, рекламные объявления), а также классических поэтических текстов и известных афоризмов доказывается неправомерность формализации субстанциональных единиц речевой деятельности, обладающих буквальным или фигуральным смыслом и составляющих антиномиию знаковым (в том числе и тропеическим) средством художественной изобразительности. Описываются и интерпретируются бытующие в речи заблуждения, связанные с непониманием номинативной сущности дескриптивных и институциональных (статусных) объектно-субъектных состояний.

– Дядя Вася, как вы знаете, на какую кнопку надо нажимать, когда играете на гармошке.

– Детка, запомни: там, где техника, знания не играют существенной роли, главное – опыт. Чтобы любить, не обязательно знать, что такое любовь.

Из разговора с ученицей 5-го класса

1. Функция и роль

Сочетание *функциональное* и *номинативное* порождает вопросы: а что, имена и названия не выполняют никакой функции? Разве нельзя сказать: «*Функция имени собственного...*»? Сказать можно, однако подобное употребление слова *функция* не является корректным. Имена собственные не выполняют функцию – они играют роль.

Функциональные обязанности не то, что статусная роль. Ср.: *Я работаю учителем (слесарем, токарем и т.д.)* – служебные функции; однако: *Я работаю профессором (кандидатом наук, учёным и т.п.)*; *Мне нравится работать доцентом* – статусные роли. Профессор не функционер. Быть профессором (доцентом) – значит обладать приобретённым статусом (лат. *status* состояние, поза, позиция). Речь здесь идёт не о социальном положении – месте элемента в системе, а о ранге в иерархии – «внутреннем» месте единицы.

Сок называется «*Мой*» (Россия, Волгоградская обл., пос. Сады Придонья). Почему-то сок не назван «*Свой*», хотя говорят «*свои яблоки, своя капуста, своя картошка*» и т.д. (в значении ‘не из магазина’). Местоимение *свой* не выявляет номинативной релевантности, хотя и субстантивируется (напр., *каждому своё*). «*Мой*» – это конкретный (с именем) муж, возлюбленный: *Моя ещё на работе; ягодка моя, солнышко моё*. У А.П. Чехова: *И он /Никитин/ напишет ей... Своё письмо начнёт так: «Милая моя крыса...»* – *Именно, милая моя крыса, – сказал он и засмеялся* (Чехов. Учитель словесности).

Номинативность местоимения *мой* проявляется, например, в следующем контексте: *Все считали её своей, а я называл её «моя учительница»*. Категория собственности воплощается в топонимах *Ковалёво* (земля как частная собственность некоего Ковалёва – «моя» для него), *Пугачёво*, *Марьино роццо* и т.п. Только собственность – категория абсолютная – выходит в номинацию (ср.: *«Наш магазин»* – возле Кобринского моста, Брест). *Свой* – не значит *собственный*. Местоимение *свой* обозначает функциональные отношения (ср.: *свойак, своячество, свойский*) и потому не должно фигурировать в собственных названиях (допустимо, вероятно, только в кавычках со специфическим смыслом). Непонимание этого чревато институциональными заблуждениями: *«Своя газета»* – так называется газета психолого-педагогического факультета БрГУ им. А.С. Пушкина; допустимая версия – *«Наша газета»*.

Или взять, к примеру, достаточно популярное в настоящее время рекламное объявление *«Муж напрокат»*, при отсутствии объявления *«Жена напрокат»*. Муж – статусная роль, а не функция. Ср.: */Марина:/ Наконец Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин. Борис Годунов); *муж* – деятель на каком-л. поприще: *учёный муж. государственный муж* (МАС). Вряд ли допустимы сочетания: *учёная жена, государственная жена*. В свете гендерной интерпретации муж играет статусно-инструментальную роль – смотрит-ухаживает за состоянием хозяйства (ножи наточены, краны не текут, лампочки горят... – в его деятельности нужны инструменты); жена же выполняет функциональные обязанности – *заботится*, чтобы было постирано, приготовлено, убрано – ей в работе помогают моющие и др. средства.

Нередко в референции людей по профессии отдаётся предпочтение нефункциональному наименованию: *реализатор товара* вместо *продавец, оператор машинного доения* вместо *дойрка* и т.п.

Функция – это совершение определённого действия, производство чего-л., роль же связана с проявлением того или иного состояния. Так, актёр не столько производит действия, в том числе и вербальные, сколько участвует в актах, воплощающих состояние того, кого (что) он играет. Известная белорусская актриса Станюта пишет об этом так: *«У мастацтве, колькі б ні працаваў, хочацца выяўляць сабою ўсё больш і больш з таго, што жыве наўкол цябе. І я, да прыкладу, стараюся разгледзець, злавіць жывы рух у выгібах галіны, карэння, ва ўзоры на сасновай кары – і <...> зрабіць так, каб гэтае жывое зайграла б нейкім выразам сваім і для іншых людзей, усім было прыкметнае. А ўвогуле распавядаць доўга і падрабязна словамі – справа для акцёра няўдзячная. <...> Калі ўжо трэба – магу так гаварыць і я, але я толькі іграю тады тую нібыта лёгкасць, нязмушанасць, з якой кажу пра нешта словамі, на самай жа справе мне лягчэй было б нешта даць адчуць праз тую ці іншую ролю, ейны фрагмент» [1].*

Роль – внутреннее состояние *«быть в...»*: говорится: *войти в роль – выйти из роли; быть в роли свата (жениха, тамады и т.п.)*; однако нельзя: *быть в функции*. Имя собственное неизменно соседствует роли: *играть роль Чацкого; в роли Гамлета*; ср.: *человек рубит дрова – лесоруб* (функция); однако: *играть роль лесоруба дяди Вани*.

Непонимание различия между функцией и ролью приводит к некорректной синтагме *играть важную роль* (вместо *иметь важное значение*). Допустимые дескрипции роли: *главная, существенная, ключевая*.

2. Действие и состояние

Функциональность действия и номинативный статус состояния доказываются следующими примерами: *Мама мыла раму. Папа читал газету*.

Обычно к глаголам *мыть* и *читать* задаётся грамматически правильный вопрос *Что делать?: Мама (что делала?) мыла раму. Папа (что делал?) читал газету*. Однако стоит задуматься: корректен ли этот вопрос в обеих ситуациях? Мама (что делала?) мыла раму. Мама работала. А у папы не работа, а занятие. Папа ничего не делал –

просто был занят, поглощён чтением. Чтение – осуществляемый процесс, мытьё окон – производимое действие. Правильным будет вопрос «*Что делала мама?*», корректно же спросить «*Чем (каким делом) занимался папа?*».

Ещё пример: *Вечером с работы пришла мама. Немножко погодя явился папа.*

Мама (что сделала?) *пришла*. В ситуации же с папой корректно прозвучит вопрос: «*А что произошло потом?*» – *Потом явился папа*. Глагол *явиться* связан не с действием, а с актом – явлением папы.

В некоторых случаях некорректность грамматического вопроса по отношению к состоянию более заметна: *Дуб (что делает?) растёт. Человек (что сделал?) умер*. Нередко решить, обозначает ли глагол действие или называет состояние, бывает затруднительно. *Говорить, петь, писать, думать* – действия или проявления ментальных состояний? Ср.: – *Ваше любимое занятие?* – *Думать*.

Действие – альтернатива состоянию, его другое. Первичным и естественным является состояние. В языке есть глаголы называющие состояние, и их альтернативы – глаголы, обозначающие действие (в том числе и психологическое): *тосковать* и *грустить*, *скорбеть* и *жалеть*, *ухаживать* и *заботиться*, *тешиться* и *радоваться*, *горевать* и *бедовать*, *думать* и *соображать* и т.д.

Состояние всегда внутреннее, «в себе состояние». Говорится «*быть в состоянии, находиться в состоянии*» (ср.: *в тоске, в печали, но: в грусти*). В состояние входят и из него выходят. Действие же не предполагает движения по типу «в» – «из»: нельзя войти в действие и выйти из него.

Различие действия и состояния связывается с разграничением понятий *поза* и *положение*.¹ Действие – концепт относительный. *Мама мыла раму, наклонившись назад*. Наклон – положение тела относительно корпуса. Состояние же предусматривает ту или иную позу – носителя информации. Поза свидетельствует (манifestирует) известное состояние референта. Так, состояние задумчивости распознаётся по классической «позе Родена». Знаменитый «Мыслитель» Франсуа Родена, изображающий Данте у врат Ада, сочиняющего свою «Божественную комедию», стал нарицательным. А в позе Алёнушки (Виктор Васнецов «Алёнушка»), в её согбенной фигурке, вызывающей безмерную жалость, в трогательной худобе и девической нескладности всего её облика художник выразил то, о чём на протяжении веков слагалось множество русских песен и сказок.

Только состояние номинативно и обладает прямым выходом в номинацию. Всякое проявление с необходимостью должно быть замечено и зафиксировано. Название (именование) является результатом не отражения, а снятия (термин Гегеля, нем. *Aufheben*). Именно в процедуре снятия релевантной оказывается поза и позирование. Подобно тому, как фотограф запечатлевает объект в известной позе, название фиксирует и объективирует то или иное состояние референта из серии непрерывно меняющихся его состояний. Снятие – не производство, а продуцирование, т.е. обретение продукта (ср.: *снять урожай* (*яблоки, плоды, овощи* и т.д.)). Номинативная единица – продукт («снятый урожай») речевой деятельности.

Доказательства номинативной релевантности состояния следующие:

1. Состояние, а не действие, фигурирует в названиях (заголовках, рубриках): а) рассказы А.П. Чехова – «*Тоска*», «*Открытие*», «*Спать хочется*», «*Неприятность*», «*Горе*», «*Старость*», «*Сонная одурь*», «*Рыбье дело*», «*Тайна*»; б) заголовки газет –

¹ Хотя говорят: *войти в положение, войди в моё положение*, однако в подобных употреблениях имеется в виду не положение, а ситуация. Нельзя **войти в положение лёжа*, **войти положение сидя*.

«Ненастье», «Беззаконие», «Любовь»; бел. «Трывожны стан», «Смаката», «На крылах любви» и т.п. («Брестский курьер»); г) название картин – В. Перов «Спящие дети», В.Э. Борисов-Мусатов «Гармония», П.В. Кузнецов «Вечер в степи» и т.п.

2. Называется фиксирующая известное состояние поза: а) позы (асаны) в йоге: поза «Аист», поза «Ворон», поза «Дерево», поза «Лодка», поза «Герой», поза «Алмаз», поза «Зигзаг», поза «Рыба», поза «Свеча», поза «Плуг», поза «Мостик», поза «Кобра». В позе замечается момент уподобления: поза «Дерев» – уподобление дереву и т.п. Положение же обозначается (*лёжа на спине, лёжа на животе, лёжа на боку; положение сидя*) или характеризуется (*положение хуже и губернаторского*).

3. Номинации соотносятся не с предметным «что», а связываются с позитивным «как»: «Как оно называется?» «Как его зовут?». «Как» не относится к методу, а принадлежит к сфере технической компетенции; так, говорится о технике чтения (*техника быстрого чтения* и т.п.).

4. Состояние, как и название, не выбирают. Есть искомое состояние, ищут подходящее название – название для ВНК, для новой марки шоколада и т.п., говорится о технологии поиска. В поиске методы не используются: *Каким методом вы собираете грибы?* Основа методики – порядок; *методично* – значит последовательно, правильно. В культурных и технических проявлениях владевает мера.

Противопоставление действия и состояния связано с двумя типами деятельности: 1) деятельность, направленная на достижение цели и получение результата; 2) деятельность, ориентированная на то, чтобы избежать неприятностей и обрести прибыль. В связи с этим различаем действие и предприятие (иначе – мероприятие); ср.: *защищать* и *гарантировать безопасность, стоять на страже мира* и т.п. Номинативная деятельность является деятельностью второго типа. Издревле имя употреблялось как оберег для его носителя. Номинативные единицы – ориентиры в калейдоскопическом состоянии мира, помогающие человеку не потеряться в непрерывных реальных метаморфозах.

3. Предмет и объект

В одном случае мы спрашиваем: «Что это?» – и, демонстрируя свои знания, утверждаем: «Это стол – за ним едят, это стул – на нём сидят...». Однако бывают ситуации, где нас интересует вопрос «Как называется? (город, растение, животное и т.п.)». Проявляя собственную компетентность, говорим: *Этот город называется Полоцком. Эта часть тела называется копчиком. Столица Польши – Варшава* и т.п. Вопрос «Что?» имеет предметный характер. «Есть два слова в нашем языке, которые прекрасно выражают это общее значение предметности. Это слова *кто* и *что* [2, с. 73]. Вопрос «Как?» ориентирован номинативно: *Часто сижу я и думаю, как мне тебя называть, Добрую, славную милую, как мне тебя величать?* (Из песни). Ср.: *Как тебя зовут? Как ваше имя? Смотрит он и отвечает: Агафон* (Пушкин); *Как называется ядовитый гриб с красной в белых крапинках шляпкой на тонкой высокой ножке, настой которого используют для уничтожения мух? Как называется небольшой пугливый зверёк с длинными задними ногами и длинными ушами?* За вопросом «Как?» стоит реалья – объект (референт). Вопрос «Что?» отсылает к предмету – денотат которого присутствует в нашем языковом сознании.

В речевой деятельности важно не смешивать функциональный план («Что это такое?») и номинативный аспект («Как оно называется?»). В первом случае речь идёт о системно-функциональном «что»-элементе, относящемся к определённой лексической парадигме (множеству). В ситуации с «как?» объект номинативно презентуется как единица, принадлежащая к реальному континууму. Под единицей подразумевается такой продукт синтеза, который в отличие от элемента обладает всеми качествами, присущими целому, и который является далее неразложимой частью подобного

единства. Только единица обладает бытием и номинативной релевантностью (Ср.: *Бытие. Имя. Космос* – название книги А.Лосева). Связь глагола *есть*, манифестирующего момент бытия, с модусом «как» обнаруживается в контекстах: Ср.: *Как есть, так есть*; но: *Что имеем, то имеем*.

Обозначенный словом предмет (образ) – функция отражающего сознания; названный в результате акта с н я т и я объект – снимок (кадр) нашего в о с п р и я т и я .

Выражение *что и как*, хотя и не фиксируется фразеологическими словарями русского языка, однако с полным правом может быть причислено к корпусу устойчивых выражений. Об этом, в частности, свидетельствует частотность его употребления в речи: *Что и как можно смотреть. Сочинение по литературе: что и как читали русские классики; Что и как пить. Что и как фильтрует НЕРА-фильтр. Что и как рисуем; Что и как в протоколы; Видео на рсп. Что и как? – Форум Белорусского игрового сообщества. Что и как проверяет государственная инспекция труда? Что и как едят белорусы? Что и как подать к праздничному столу. Что и как сдавать? Автокредит на деле. Что и как? Что и как мы слышим. Что и как делать в квартире. Что и как принимают в ломбарде. Что и как будут делить Абрамовичи. Что и как празднуют Американцы* (Белорусский портал: tut.by).

Различие между действительностью, относящейся к «что», и реальностью, стоящей за «как», замечается в следующей автобиографической миниатюре:

СО I JAK

Odprawa celna. Profesor N. jedzie do Polski z ogromną torbą w ręku. Właśnie dlatego, że jest profesorem z N. nigdy nic się nie zdarza. Nie ma i nie może mieć żadnych kłopotów. A jednak ciągle ma jakieś przygody. Tak było i tym czasem.

– *Co Pan ma w torbie? – pyta jak zwykle celniczka i niespodziewanie dla siebie zauważa, że to pytanie sprawia profesorowi pewną trudność. Następuje pauza, która staje się nie do zniesienia. Celniczka nie jest w stanie wytrzymać tak długie milczenie i zaczyna się denerwować. Nareszcie profesor, olśniony, woła: „Obiad».*

– *I to potrzebował Pan aż tyle czasu, żeby to powiedzieć? – oburza się celniczka.*

– *Rozmyślałem nie nad tym, co mam w torbie, lecz nad tym, jak nazywa się to, co w niej jest, – próbuje wyjaśnić swoje zachowanie profesor.*

– *Jakiś kretyn zawraca mi głowę, – myśli celniczka, a jednak przepuszcza go z miłym uśmiechem na twarzy. Profesor zaś jest bardzo z siebie zadowolony, ponieważ wpadł w sytuację kategoryzacji i odnalazł z niej wyjście. «Przyda się w pracy», – myśli sobie i dumny z siebie podąża dalej.*

W. Sienkiewicz, *Siedlce–Brześć*

Не следует задавать предметные вопросы к явлениям нефункциональным. Какой, к примеру, вопрос будет востребован в известной ситуации применительно к части человеческого тела – пальцу: «*Что это такое?*» или «*Как называется эта часть кисти руки?*». Думается, естественен вопрос «*Как называется...?*». Палец – не предмет, он не присутствует как системообразующий элемент; палец есть, т.е. обладает параметром бытия. Ср: *У человека на руках <есть> пять пальцев*; но: *Человек имеет пять пальцев*. Нельзя не заметить момент иерархичности в названиях пальцев: *большой, указательный, средний, мизинец*. Состояние «без имени» также оказывается номинативно релевантным (*безымянный палец, безымянная высота*).

Палец как «инструментальная» часть тела допускает применение по назначению (и не по назначению), т.е. бывает одновременно *и тем, и тем, и тем* (ср. ситуацию с «пальцемпханной» колбасой). Один и тот же человек также является *и братом, и сватом, и соседом, и отцом* и т.п. Это не функции, а ипостасные (естественные) или ста-

тусные (приписанные) роли. Актуально не кто он, а кем приходится – кумом, двоюродным братом и т.п.

Всё, что представляется предметно, требует формального определения. Логическое определение распознаётся по слову *это*. На таких определениях основывается функциональная (в отличие от контрастивной) грамматика: *Предложение – это коммуникативный элемент дискурсивной речи, характеризующийся свойством коммуникативности. Дополнение – это второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы косвенных падежей* и т.д.

Как известно, *это* – самое общее слово в языке. Всё можно определить логически, представить предметно. Всё есть это (*Это всё...*), кроме непредметного одного – одно всегда одно целое: *Всё относительно, кроме одного, – абсолютного; Всё имеет свойство заканчиваться, кроме одного, – бесконечного; Всё может быть, кроме одного, – того, что есть* и т.п. Одно не может быть подведено под гиперо-гипонимические (род-вид) отношения, а воспринимается партитивно – как реальное (виртуальное) целое, состоящее из частей. В сфере одного отсутствуют системно-функциональные отношения – обнаруживаются иерархические связи.

К непредметным сущностям применимо не логическое (формальное) определение, а дефиниция. Подмена дефиниции определением – распространённое заблуждение научных текстов, специфика которых не допускает мнений и определений – только дефиниции и точки зрения. К примеру, само понимание текста – речемыслительного продукта, а не произведения. Определение «*Текст – это ...*» представляет неверификационное (т.е. ненаучное) видение. Феномен текста допускает описание (*Текстом называется...*). Дефиниция не указывает на «это», а открывает то, как (в каком облике) некая сущность является, т.е. отмечает те или иные реальные проявления (версии) воплощения номинального сущего.

Образцом непредметной субстанциальности является поэзия. Не случайны частые употребления «как» в поэтических (особенно фольклорных) текстах – в зачинах стихов: *Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам* (Пушкин. Песнь о вещем Олеге); *Как у наших у ворот Стоял девок хоровод* (Песня «Как у наших у ворот»); *Уж как я ль мою коровушку люблю! Уж как я ль-то ей крапивушку нажну* (Песня «Уж как я ль мою коровушку люблю»). Ещё бел.: *Як на Ївана дужа рана; Як рыкнула ж карованька; Як успашам мы полечка...; Як з-над нашої вулиці разлиў разливаўся; Як я ў мамкі жыла; Як была я ўдованька, ўдова малада; Як служыў я, братцы, у багатыра; Як засвішча, зашчабеча салавейка* [3].

Вопрос «*Что такое поэзия?*» неправомерен. Отношения к предметному «что» поэзия-стихия не имеет и потому не может быть определена логически: «*Определениям поэзии Спокон веков потерян счет...*» (И. Губерман). Правомерно спросить, какие есть явления-воплощения поэзии, какие проявления мы идентифицируем как поэзия и называем поэзией – буквально «*чем есть (является) поэзия?*». Подобный подход порождает кореферентные номинативные версии поэзии, высвечивающие разные её грани и в разной мере претендующие на роль истинных: поэзия является и тем, и тем, и тем...: *Поэзия есть внутренний огонь всякого таланта.* (Ф. Достоевский); *Поэзия – музыка слов* (Т. Фуллер); *Поэзия есть игра чувства, в которую рассудок вносит систему* (И. Кант). Поэзию называют «*душой культуры*», «*несущей основой истории*», «*сущностью языка*», «*мифом*»; высшей поэзией признаётся безмолвие. Чем же на самом деле является истинная поэзия – тайна, по пути постижения которой идут мыслители, открывая её неисчислимы сущностные проявления. И нет им конца. Вопросы «*А что есть поэзия?*», «*А что есть истина?*» риторические. Сущность «ничтойна» – Ничто. В предметном «что»-мире её не найти.

Поэту, как и учёному, ничего не остаётся, кроме как выдвигать бесконечные версии тех или иных явлений:

Czym jest poezja

aktem odwagi, mową niemych słów,
krzykiem symboli, porażką znaczeń,
snem metafor, chwilą natchnienia.

Czym jest szczęście

Pieśnią życia,
poematem jego zachwyту,
tańcem zmysłów,
od dotykania do myślenia.

Czym jest miłość

wulkanem namiętności,
uczuciem toczącym spór z naturą,
lękiem osamotnienia.

Czym jest pamięć

Inną nazwą świadomości,
chwili istnieniem,
komfortem wyboru wspomnienia.

Coraz częściej pytam
co to wszystko ma znaczyć,
może to jest życie –
a czym jest życie,
poezją cudu istnienia... (Ł. Sylwian. Pytania)

В перифразах стихотворения не содержится представление понятий (поэзия, любовь и т.п.) посредством образов. Здесь неправомерно говорить о тропах – образных средствах языка. Подобные перифразы – поэтические фигуры воплощения сущностей, раскрывающие фигуральное (не образное!) их понимание. Так, называя любовь «*wulkanem namiętności*» (вулканом страсти), поэт не сравнивает её с вулканом – любовь уподобляется вулкану, является в его качестве и облике. Речь не идёт о преобразованиях любви, поэзии и т.п. и их образных представлениях, речь идёт об их превращениях и презентациях (предъявлениях). Не метафорами – тропами, а метаморфозами–фигурами поэтической речи – насыщено данное стихотворение. Не случайна метаморфоза поэзии – *sen metafor*. Более того, правомерно поставить вопрос, допустима ли вообще метафора в поэтическом языке? Не называется ли нередко метафорой метаморфоза – то, что определению метафоры не соответствует?. Поэзия – феномен, рассчитанный не на знание («Что такое?..»), а на понимание («Как понимать?..»).

«В XX в., – пишет Дж. Серл, – философы научились с великой осторожностью задавать вопросы в форме: «Что такое...», например: «Что такое истина?», «Что такое число?», «Что такое справедливость?» Уроки двадцатого века (хотя их быстро

забывают в веке двадцать первом) гласят, что наилучший подход к решению этих проблем – «подкрасться» к ним незаметно. Не спрашивайте, что такое истина, а спросите, при каких условиях мы говорим о некотором высказывании, что оно истинно. Не спрашивайте, что есть число, а спрашивайте о том, как численные выражения функционируют в реальной математической практике [4, с. 7].

Исследовательский приём типа «*Не спрашивайте, что такое X...*» применим в деле постижения нефункциональных сущностей. Так, сотни мудрецов пытались найти ответ на вопрос «*Что такое любовь?*». И даже сейчас в дни информационных технологий и мирового прогресса на вопрос «*Что же такое любовь?*» нет однозначного ответа-определения. И не может быть. «*Не спрашивайте, что такое любовь*», спросите какие физические и метафизические проявления мы называем этим именем, т.е. чем она является и в каких обликах предстаёт. Описаний и уподоблений-метаморфоз любви существует огромное количество:

а) описания любви: *Любовь – это когда для тебя перестают существовать все женщины мира, кроме одной. Любовь придает жизни смысл. Любовь не желает счастья самой себе, но сделает все для счастья другого. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда* (Народный юмор); *В любви нет побеждённых, в любви все стороны – победители. Любовь и голод правят миром* (Ф. Шиллер) и т.п.

б) метаморфозы любви: *Любовь – это бурное море, любовь – это злой ураган. Любовь – это улица с двусторонним движением. Любовь – это адская воронка, в которую всё больше и больше затягиваешься, а вылезти из неё очень трудно* (Анетте Ролл). *Любовь – фундамент жизни; Любовь – это кусок сахара, зажатый прутьями брачной клетки* (Я. Сейферт) и т.п.

Ключевым моментом в исследовательском подходе к нефункциональным сущностям является идентификация – известного рода «экспертиза» на подлинность. В номинативно сфере не ставится вопрос о правдивости-ложности чего-либо. Псевдо- не то, что лже-. Правда творится и не принадлежит реальности бытия. В сфере номинации возникает вопрос о достоверности (истинности) того или иного феномена. Подобная верификация диагностируется прилагательными: *настоящий, искренний, истинный, достоверный, оригинальный, подлинный, неподдельный* (ср.: *фальшивый, неистинный, неискренний, поддельный, ненастоящий*). Задача заключается в том, чтобы распознать поэзия или не-поэзия – подделка под поэзию (рифмоплётство), любовь или не-любовь (притворство), наука или не-наука (псевдонаука). Приставка не-не выполняет в дихотомических выражениях функцию логического отрицания, а обладает ограничительным смыслом – отграничивает понятие от того, что находится за его пределами.

При идентификации сущностей возникает необходимость в верном критерии, препятствующем принятию иллюзии за подлинность. «Для себя, – пишет Протоиерей Игорь Гагарин, – самый верный критерий любви я нашёл у апостола Павла: «радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими». Когда радость человека подлинно становится моей радостью, когда всё, что его радует, радует меня, а его боль становится моей болью, здесь есть любовь. На более низком уровне – это сопереживание. На более высоком, полном уровне – его жизнь становится моей жизнью, его чувства – моими чувствами. То, что происходит с этим человеком, меня касается на самом глубинном уровне» (Интернет, tut.by).

Выводы. Функциональный план речевой деятельности составляет альтернативу её номинативному аспекту. Следствием подобной соотносительности является существование парных антиномий как на уровне содержания – противопоставление категорий и концептов, так и на уровне выражения – противоположность номинативных (дескриптивных и институциональных) единиц и функциональных элементов. Но-

минативной релевантностью обладают непредметные позитивные категории бытия – роль, состояние, объект, связанные с сущностными «как»-проявлениями-актами и получающими в речевой деятельности номинативную фиксацию.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Станюта, А. Стэфанія. Старонкі з кнігі сына / А. Станюта // Народная воля, 14 снежня 2000 г.
2. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении/ А.М. Пешковский – М. : Учпедгиз, 1956.– 375 с.
3. Вянок беларускіх народных песень / Запіс У. Раговіча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 432 с.
4. Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. – 2007, № 8. – С. 5 – 27.

Senkevich V.I. On the origin of nominativity and beginnings of functionality

The article studies nominative and functional aspects of speech activity. The idea that nominative essence of the categories «role», «state», «object» is opposed to functional concepts such as «function», «action», «subject» is proposed in the article. The author describes and interprets errors in speech concerned with miscomprehension of nominative function of descriptive and institutional (status) object-subject states.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011